

УДК 94 (574.1)

**ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.***Д. Я. Фризен***THE POSITION OF PEASANT FARMS IN WESTERN KAZAKHSTAN  
IN THE 19<sup>th</sup> – EARLY 20<sup>th</sup> CENTURY***D. Ya. Frizen*

В статье рассматривается проблема адаптации крестьян-переселенцев к природно-климатическим, социально-экономическим условиям Западного Казахстана. На основе разноплановых источников показана ситуация с трудоустройством переселенцев, проблема наделения их землей и решение социальных вопросов. В статье отмечены факты создания переселенческих хозяйств и трудности данного процесса. Материалы исследования могут быть использованы учёными при написании трудов по истории Казахстана.

The paper discusses the problem of adaptation of the peasants to climatic and socio-economic conditions in Western Kazakhstan. On the basis of diverse sources the author shows the employment situation of immigrants, the problem of granting them land and solution of social problems. The paper addresses some facts about the creation of immigrant farms and the difficulty of the process. The materials of the research can be used by scientists for writing works on the history of Kazakhstan.

**Ключевые слова:** Западный Казахстан, переселенческое движение, аграрный вопрос, земледелие, скотоводство, колонизация.

**Keywords:** Western Kazakhstan, resettlement movement, agrarian question, agriculture, cattle breeding, colonization.

Аграрная колонизация Казахстана представляет собой актуальную тему в историографии, поскольку ее оценка, последствия рассматриваются учеными с самых различных позиций. Споры о том, какую роль сыграла аграрная колонизация в истории Казахстана, уже на протяжении многих лет не прекращаются в исторической науке. Принято считать, что в советское время аграрная колонизация, несмотря на отдельные недостатки, всё же положительно рассматривалась историками, т. к. приводила к укреплению дружбы между Россией и Казахстаном. В современной казахстанской историографии возобладали противоположная точка зрения, когда аграрная колонизация рассматривается в основном с негативной точки зрения; осуждаются ее последствия, как разрушившие традиционный уклад жизни казахского народа [1; 3; 5; 6; 9; 10; 12; 13]. Разумеется, не может быть какой-либо однозначной оценки последствий аграрной колонизации Казахстана. Здесь каждый историк волен прямо высказывать своё собственное мнение, но самое главное, чтобы не возобладали сугубо личные мотивы, и не произошел отход от научного анализа фактов. То обстоятельство, что предков того или иного историка лишили кочевий или скота еще не повод для того, чтобы видеть в колонизации только негативные последствия.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы показать особенности развития крестьянских хозяйств на территории Западного Казахстана. Переселенческое движение в казахском крае началось после отмены крепостного права в России. Тысячи крестьянских семей в поисках лучшей доли отправлялись в степной край в надежде получить землю и создать свое хозяйство. Западный Казахстан стал местом жительства для многих крестьян-переселенцев. Сначала власти не решались приступить к широкомасштабной колонизации региона, и данный процесс происходил постепенно, достигнув своего пика в годы столыпинской аграрной реформы. В 80-е гг. XIX в. в Тургайской области начали оседать крестьянские семьи, приезжающие из России. Местные власти старались дать крестьянам землю

и урегулировать их отношения с коренным населением [7, с. 35]. В 1891 г. несколько крестьянских семей, направляющихся на юг Казахстана, приняли решение осесть в тургайской степи, получив землю при содействии местных властей.

Тысячи переселенцев были в тяжелом материальном положении. Так, например, 1370 семей переселенцев (10,8%), переселившихся в Тургайскую область в 1903 – 1905 гг. не имели ни одной рабочей скотины. 1606 семейств (12,7%) имели только одну голову скота, 3275 семейств (25,7%) не имели плуга [2, с. 219]. Местная администрация стремилась упорядочить процесс переселения, наладить систему административного управления новыми поселениями. Как отмечал А. А. Кауфман в 1897 г.: «Главная масса переселенцев, проживающих в северных районах Тургайской области, в настоящее время имеет уже надлежащее административное устройство, и областной администрацией возбужден вопрос о распространении этого устройства и на другие пункты, где русские поселенцы собрались в более значительных количествах и где водворение их имеет, по-видимому, не временный, а постоянный характер» [7, с. 45]. В Уральской области, начиная с 1890 г., стали создаваться переселенческие посёлки, причем сами переселенцы вместе с местным казахским населением обрабатывали землю [11, с. 157].

Крестьяне-переселенцы стремились, помимо получения земли, также решить свои социальные и духовные проблемы. Это касалось постройки школ, медпунктов, прокладки дорог, а также постройки церквей. Для оседания на постоянное место жительства было необходимо удовлетворение социальных нужд переселенцев. Власти старались решать эти вопросы. Значительной проблемой было налаживание регулярного транспортного сообщения между населенными пунктами. Западный Казахстан – это крупный по своим размерам регион. К тому же, в XIX в. он был малонаселенным. Переселенческие посёлки зачастую располагались в местах, находящихся далеко от городов и железных дорог, нередко среди полупустынных районов,

где ранее находились одни лишь пастбища. Чтобы добраться до того или иного посёлка, порой требовалось преодолеть долгий путь. При этом во многих районах даже не было верстовых столбов. Сами дороги, как правило, находились в неудовлетворительном состоянии. Поэтому переселенцам было трудно устроиться на новом месте, вдали от населенных пунктов, порой не имея медпунктов, школ. Всё это приходилось создавать на месте. Например, чтобы добраться до того или иного посёлка из Актюбинска или Уральска, иногда необходимо было проехать по бездорожью сотни вёрст. И это только в пределах данных уездов. В пределах губернии расстояния между населенными пунктами значительно увеличивались.

Часто было так, что переселенческие посёлки создавались в степи, среди кочующих в этих местах скотоводов. Поэтому возникали земельные споры, тяжбы, длившиеся, зачастую, годами. Канцелярии Тургайского и Уральского военных губернаторов наполнились ходатайствами, с просьбой разрешить те или иные земельные споры. Тяжбы эти возникали не только между крестьянами и кочевниками, но и между самими переселенцами, а также между кочующими казахскими родами. Борьба за землю обострялась по мере увеличения числа переселенцев. Эта ситуация осложнялась тем, что по решению царских властей, многие земли, принадлежащие кочевникам, изымались в государственный фонд как «излишки», из которого выдавались наделы переселенцам. Например, экспедиция по исследованию степных областей во главе с известным статистиком Ф. А. Щербиной определила более 20 млн десятин земли как «излишки», которые могли быть изъяты в переселенческий фонд. Соответственно, кочевники оттеснялись в южные, более засушливые районы, а на их земли переселяли крестьян из России, Украины, Белоруссии, которые стали заниматься земледелием. В этих условиях социальная и межнациональная напряжённость росла, участились стычки между кочевниками и крестьянами.

Увеличение числа переселенческих посёлков постепенно меняло местную хозяйственную специфику, увеличивало размеры земледелия. Ввиду увеличения числа переселенцев, необходимости наделения их земель, в начале XX в. на территории Тургайской области чиновники начали создавать т. н. «миллионный отвод» на территории ряда волостей, для того чтобы наделить землей малоземельных крестьян и казахов. В Кустанайском уезде только за период с 1899 по 1902 гг. было выделено переселенцам 800000 десятин земли.

На начальном этапе переселенческого движения, были распространены договоры об аренде земли, когда переселенцы, таким образом, брали внаём землю у местного казахского населения. Как правило, в качестве платы за аренду земли, переселенец отдавал арендодателю часть полученного урожая. Крестьяне Самарской губернии Иван Солодов и Трофим Гусев арендовали у казахов Николаевского уезда 6000 десятин земли по 7 копеек в год за десятину [15, л. 103]. Аренда земли получила широкое распространение и таким образом, многие переселенцы прочно оседали в ряде районов Западного Казахстана. К ним присоединялись новые группы переселенцев и возникали большие крестьянские поселения. Между отдельными поселениями стали налаживаться торговые и хозяйственные контакты.

Постепенно возле переселенческих посёлков начали селиться переходившие к оседлости казахи, которые стали изучать русский язык, нанимались на работу к переселенцам.

Переселенцы стремились найти работу на новом месте проживания, нанимались к местным зажиточным крестьянам или казакам. Также они нанимались в хозяйства богатых казахов. В основном это был тяжёлый физический труд, работа на мельнице, переработка продуктов животноводства и т. д. Крестьяне-переселенцы, обладавшие достаточными материальными средствами, сами покупали скот, сельскохозяйственные орудия, строили жильё и т. д. Однако многие переселенцы не имели денег на приобретение скота и орудий труда, а также на покупку или постройку жилья, и поэтому нанимались на работу к местным зажиточным крестьянам. Например, в Кулешовском хуторе Актюбинской волости для постройки дома, приобретения скота и рабочего инвентаря необходимо было в среднем от 200 до 400 рублей. Постройка деревянного дома стоила 200 рублей, землянки 100 рублей, приобретение скота 200 рублей [16, л. 19]. Чиновник Тургайского статистического комитета И. Катаринский отмечал: «Средства на обустройство можно приобрести на месте – заработками... и работой у киргиз. Кроме того, разведением скотины для сбыта в г. Оренбург. Вообще большинство поселенцев не выходят из долгов вследствие бывших три года сряду неурожаев. Они обычно берут на заводе хлеб под работу, тем дешевят свой труд, и потому мало поправляются» [16, л. 3 об].

Некоторые крестьянские хозяйства разорялись и возвращались к себе на родину, либо становились батраками у зажиточных крестьян. Тем не менее многие крестьянские хозяйства смогли создать прочное хозяйство. И. Катаринский так описывал жизненный уклад одного из крестьян-переселенцев: «Фёдор Новиков при поселении имел только 2 коровы, которых сначала держал в землянке вместе с собой. Во второй год прибавилось два телёнка и вновь устроенная землянка. В третий год он купил лошадь за 13 рублей, и еще у него прибавилось две телушки. В четвертый год две старые коровы с родины он продал за 75 рублей и купил две лошади за 60 рублей. В пятый год купил три поросенка. На шестой год у него было 6 коров, 6 телят, 4 лошади, 8 свиней и 20 овец» [16, л. 4].

Переселенцы, помимо бытовых трудностей, зачастую сталкивались с бюрократическими препятствиями, взяточничеством, коррупцией, произволом местных чиновников, которые стремились извлечь личную материальную выгоду от выдачи крестьянам земельных наделов. Переселенцам часто приходилось давать взятку местным чиновникам за то, чтобы получить земельный участок. За участки с более плодородной землей приходилось платить больше. Переселенцы Березовской волости в своем прошении на имя Военного губернатора Уральской области отмечали: «Переселившись из России, мы переселенцы, безропотно перенесли нищету и голод в тяжелые прошлые годы, теперь же вместо поддержки наше ближайшее начальство сильно обижает нас тем, что организовало торговлю землей приезжающим переселенцам. Торговля душевыми наделами началась давно, еще при крестьянском начальнике Зинченко, его письмоводитель Малютин брал взятку с каждого переселенца, но тогда он до-

вольствовался 3 – 5 рублями, теперь же, с уходом Зинченко, во главе с новым крестьянским начальником образовалась хорошо подобранная шайка, состоящая из четырех человек» [14, с. 49].

Многие крестьяне отправлялись в новые края за лучшей жизнью, не зная реальной картины происходящего, и не имея представления о том, с какими трудностями им предстоит столкнуться, что придется жить в бескрайней степи, можно сказать, под открытым небом. Многие из них рассчитывали получить большие земельные наделы, создать зажиточное хозяйство. Но столкнувшись в реальности с суровой действительностью, многие переселенцы осознали всю тяжесть жизни в казахской степи, когда на многие версты пути невозможно было встретить ни одного человека, не было даже колодцев, жить приходилось в открытой степи, пока не удавалось построить временное жильё. Коренное кочевое и полукочевое население было приспособлено к местным природно-климатическим условиям. Маршруты их кочевания были сформированы в давние времена и оставались, в сущности, неизменными в течение веков. Но переселенцам пришлось осваиваться на новом месте фактически с нуля, порой не имея элементарных условий для жизни. Еще сложнее приходилось тем, кто, прибыв на место своего нового проживания, не имел денег на обустройство. Как отмечал А. А. Кауфман: «На переселение пускаются то под влиянием писем от более ранних переселенцев, изображающих «новые места», нередко в совершенно ином свете, то под влиянием распространяющихся среди крестьян, всегда более или менее, далеких от истины, слухов о сибирском приволье, под влиянием которых переселенцы часто двигаются в глушь совершенно на удачу, не имея действительного представления даже о самой местности, куда они направляются, и часто, вполне обманываясь в своих ожиданиях при приходе на новые места» [8, с. 19].

Многие переселенцы отправлялись в новые края, т. к. не имели фактически ничего у себя на родине. Земельный дефицит заставлял их ехать на окраины империи в поисках лучшей доли. «Переселенцы Бугулуцко-го уезда, – писал Н. Бородин, – были, по большей части бедняки, люди, которым при переходе на новое место,

почти нечего было покидать на своей Родине. Рассчитывая на льготы и снижение повинностей, они шли на новые места и селились при общем сырте. Приученные с детства к земледелию, они стали во множестве наниматься в работники к уральским казакам по обоюдному выгодным ценам, потому что в первые годы своего поселения, не успевали устроиться и обзавестись собственным хозяйством, они решительно не имели средств для пропитания» [4, с. 243]. Такая ситуация приводила к тому, что и на новом месте многие крестьяне оставались бедняками, испытывали лишения. Тургайский военный губернатор писал Министру земледелия и государственных имуществ в 1897 году о том, что участились случаи столкновений между переселенцами и местным казахским населением из-за земельных наделов. В некоторых районах казахи прекратили предоставлять землю в аренду переселенцам [17, л. 3]. Несмотря на то, что Западный Казахстан занимает огромную площадь, тем не менее, многие участки земли были не приспособлены для земледелия. На Мангышлаке, а также в южных районах Уральской и Тургайской областей в основном находились пустыни и полупустыни, что препятствовало развитию земледелия. Там, возможно, было развитие только отгонного скотоводства. В целом в регионе преобладал засушливый климат и поэтому неурожаи были частым явлением.

Положение крестьян-переселенцев, поселившихся на территории Западного Казахстана в основной массе было довольно сложным, особенно первые 3 – 4 года, поэтому наблюдался значительный отток переселенцев на родину или в другие районы страны. Несмотря на трудности, переселенцы постепенно изменяли хозяйственный облик региона, развивали земледелие, торговлю, строили мельницы, мелкие сельскохозяйственные предприятия. В регионе стали появляться школы, больницы, банки, постоянные поселения, вместо кочевых стоянок. Западный Казахстан быстрее начал входить в общероссийский рынок. Коренное кочевое население постепенно начало переходить к оседлости, осваивало земледелие, селилось рядом с русским населением. Переселенцы внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие региона.

### Литература

1. Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX вв.). Астана, 2000. 304 с.
2. Бекбергенов М. С. Социально-экономические отношения в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1953. 365 с.
3. Борсукбаева А. Н. Колонизаторская политика царизма в Казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005. 32 с.
4. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание. Т. I. Уральск: Типография Уральского казачьего войска, 1891. 524 с.
5. Жумашева Г. Колониальная политика царизма на Мангышлаке (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 25 с.
6. Ибраев С. И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 22 с.
7. Кауфман А. А. Переселенцы – арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. 345 с.
8. Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. СПб., 1901. – 92 с.
9. Малтусынов С. Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России (1906 – 1917 гг.). Алматы, 2006. 332 с.
10. Мырзахметова А. Ж. История образования и деятельности Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 29 с.

11. Сдыков М. Н. История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004. 408 с.
12. Сариева Р. Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868 – 1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: ИИиЭ им. Ч. Ч. Валиханова, 2002. 33 с.
13. Таштемханова Р. М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: АГУ им. Абая, 1994. 28 с.
14. Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: АН КазССР, 1950. 102 с.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2693.
16. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 18.
17. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1470.

**Информация об авторе:**

**Фризен Дмитрий Яковлевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Казахско-Русского международного университета, d.friesen@mail.ru.

**Dmitry Ya. Friesen** – Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of History of Kazakhstan and Social and Humanitarian Disciplines, Kazakh-Russian International University.

*Статья поступила в редколлегию 29.10.2015 г.*